

И. Ю. Винокурова
Петрозаводск

**Мифологические представления о птицах
в вепсской традиции и карело-финском эпосе¹**

Изучение вепсской мифологии связано с большими трудностями из-за почти полного отсутствия вепсских повествовательных мифологических текстов. В настоящее время возможна реконструкция лишь некоторых фрагментов вепсской мифологии на базе позднейших этнографических и фольклорных собраний, данных лингвистики, отчасти археологии. При этом существенное значение при определении достоверности реконструируемых мифологических представлений, их смысла и этнических истоков имеет привлечение аналогий из мифологических систем родственных и соседних народов. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу такого фрагмента вепсской мифологии, как представления о некоторых птицах, выявленные по различным памятникам вепсской культуры, с карельскими, ижорскими и финскими данными о мифологической орнитофауне, отразившимися в эпических песнях. Заметим, что орнитоморфная символика – узловая в мифологической системе любого народа, сопряженная с такими смысловыми зонами, как космогония, космография, идеи о душе, жизни и смерти.

В качестве источников для сопоставления были использованы сборники «Карельские эпические песни» [1950], «Карело-финский народный эпос» [1994], а также «Калевала» Э. Леннрота.

Результаты сопоставительного анализа мы представили в сводной таблице:

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ, № 07-01-00254 а.

Птицы в вепсской культурной традиции и в карело-финском эпосе

№	Птицы: группы и виды	Вепсская культурная традиция	Карело-финский эпос
	Птицы	В	КФ
1	Бекас	В	
2	Вальдшнеп		
3	Воробей		КФ
4	Голубь	В	КФ
5	Дергач	В	КФ
6	Дрозд		КФ
7	Дятел, желна	В	
8	Жаворонок		КФ
9	Журавль	В	КФ
10	Зарянка	В	КФ
11	Зяблик		КФ
12	<i>Кукушка</i>	В	КФ
13	<i>Ласточка</i>	В	КФ
14	Овсянка		КФ
15	Пуночка		
16	Синица	В	КФ
17	Снегирь	В	
18	Соловей		КФ
19	Трясогузка		КФ
20	Чайка	В	КФ
Куриные			
21	Глухарь		КФ
22	Куропатка	В	
23	Перепел		
24	Рябчик		КФ
25	Тетерев	В	КФ
26	Кура домашняя	В	КФ
27	Петух	В	КФ
Водоплавающие			
28	Гагара	В	
29	Гусь	В	КФ
30	Крохаль		КФ
31	<i>Лебедь</i>	В	КФ
32	<i>Утка</i>	В	КФ
33	Чирок	В	КФ
Вороновые			
34	<i>Ворон</i>	В	КФ
35	<i>Ворона</i>	В	КФ
36	Галка		
37	<i>Сорока</i>	В	КФ
38	Сойка	В	

№	Птицы: группы и виды	Вепская культурная традиция	Карело-финский эпос
Хищные птицы			
39	<i>Орел</i>	В	КФ
40	<i>Ястреб</i>	В	КФ
41	Сокол	В	
Ночные птицы			
42	Летучая мышь	В	КФ
43	Сова, филин	В	

В ней в графе 2 даны птицы, известные природному окружению вепсов, а также карелам, ижорам, финнам, песни которых исследовались; в графе 3 – птицы, оставившие след в различных сферах вепсской народной культуры; в графе 4 – птицы, обозначившиеся в рунах карело-финского эпоса (32 вида). В ходе исследования обнаружилось, что большинство птичьих образов (21 вид²) одинаково для вепсской культурной традиции и для карело-финского эпоса. С ними связаны как относительно адекватные знания, так и иррациональные представления. Однако только с некоторыми птичьими образами были выявлены сходные мифологические мотивы; это ласточка, кукушка, утка, лебедь, ворон или ворона, сорока, орел, ястреб³.

Для различных мифопоэтических традиций, в том числе и прибалтийско-финской, характерно надделение птиц демиургической функцией. По одному из сюжетов мир создается из яйца, снесенного птицей, которой в разных эпических песнях могли быть утка, гусь, орел, ласточка и даже летучая мышь⁴. Птица летает над бескрайним морем в поисках места для гнезда, находит кочку (вар.: остров, колено первого человеческого существа), вьет гнездо и сносит туда одно или несколько яиц. По разным причинам яйца разбиваются, и из них или осколков одного яйца создаются важнейшие части Вселенной. Именно с этого сюжета начинается руна первая «Калевалы».

Миф о мировом яйце помимо финнов, карелов и ижор был обнаружен также в эстонской и водской традициях; у саамов и – в более или менее измененном виде – у мордвы и коми [Напольских 1993: 48].

² Выделены темной полосой

³ Выделены темной полосой и курсивом.

⁴ По представлениям вепсов и карелов летучая мышь относилась к птицам [Винокурова 2006: 33].

Возникает вопрос, был ли известен миф о создании мира из яйца птицы у вепсов? На его существование явно указывает фольклорный текст, обнаруженный нами в опубликованном собрании образцов северновепсской речи [Sovijärvi, Peltola 1982: 64]. Этот текст (к сожалению, неатрибутированный) был записан в 1943 г. у прионежских вепсов (Матвеева Сельга) А. Совиярви и Р. Пелтолой. Приведем его в оригинале:

Íendap sotkei p'álit'ši m'efes,
Ištuze sotkei klotsaižele,
(ei d'okse jän').
Muñip sotkei koum'e munaštš,
Houdup sotkei koum'e poigaštš.
Kuna sotkeil'e poigat panda?
Vanhambaižen pañi vageižele,
K'esk'imbaižen k'efekodaizele,
Nofembaižen notaižele.
Kuna sotkeile itšeize m'ända?
Kuježid m'oto kuřmaha,
Sohužid m'oto soigmaha.

Летит утка через море,
Садится утка на кочку,
(голос не льется)⁵.
Несет утка три яйца,
Выводит утка трех птенцов.
Куда утке птенцов положить?
Старшего положила в бороздку,
Среднего в сеточку,
Младшего в неводок.
Куда утке самой идти?
По дорогам журавлем петь,
По болоту постукивать⁶.

При внимательном разборе текста мы встречаем уже знакомые по рунам мифологемы: «полет утки над морем», «морская кочка», «кладка на кочке яиц», «высиживание птенцов». Его мифологическая основа не вызывает сомнений. В тексте, бытующем среди народа, проживающего вдали от какого-либо моря, встречается упоминание об этой водной стихии. И это вполне объяснимо: море в мифопоэтической традиции является универсальным символом первозданных вод, из которых возникла Земля. Именно море в таком значении описывается в руне первой «Калевалы».

Примечательно, что здесь для обозначения утки употребляется не термин *sorz* — наиболее популярный в вепсской культуре, а название *sotkei*, обозначающее утку-нырка. Для нырков характерна морская среда, проведение в ней большей части времени. В плавании они бо-

---

⁵ Рассказчик сделал остановку.

⁶ Неуместно звучит в северновепсском тексте глагол «постукивать», употребляемый по отношению к утке. Но это слово характерно для карельских эпических песен — обозначает езду на телеге, например: «Вот поехали, постукивают на коне кузнеца...», «Едут они, постукивают, тут ломается у них полоз» [КЭП 1950: 329, 330].

лее проворны, чем в полете и ходьбе по суше [Брэм 1992: 311]. В карело-финском эпосе также говорится о нырковой утке:

Sotka on soria lintu,
Lentelöö ja lintelöö,
Löyti saaren sinisen on,
Saarella on ruovot ruostunuot.
Sie valo vaskisen pesän
Muni kultasen jäitsän.

Сотка, праведная птица,
В небесах летит тревожно
И находит синий остров,
А на нем камыш был ржавый.
Медное гнездо отлито –
В нем снесла яйцо златое.

[КФНЭ 1994: I.III]

Среди других водоплавающих птиц наиболее мифологизированным в вепсской традиции является лебедь. Различные факты вепсской культуры свидетельствуют о том, что лебедь относился к числу тотемных или, во всяком случае, почитаемых птиц у вепсов. У вологодских вепсов лебеда называли *Jumalan lind* (букв. «Божья птица»); считалось обязательным при виде улетающих лебедей крикнуть им слова прощания: «Прощайте, прощайте, лебеди!», «Прощайте, прощайте, желанные! В новом году прилетайте опять!».

Еще в 1970-е гг. южные вепсы называли пару лебедей *ižand* и *emag* – ‘хозяин’ и ‘хозяйка’, что в древности могло осознаваться как «отец» и «мать», то есть прародители рода⁷. Существовал строгий запрет убивать лебеда и употреблять в пищу его мясо. В вепсских деревнях до сих пор бытуют рассказы о бедах, постигших нарушителя табу.

Ученые, занимающиеся изучением карело-финского эпоса, также отмечали в нем пережитки культа лебеда. Во многих рунах лебедь называется священной птицей (*pyhälintu*):

Я поехал на крик лебедей,
На ловлю священной птицы.
[Ладвозеро, КЭП 1950: № 60]

В рунах нашел отражение запрет на убийство лебеда. В сделанной в 1828 г. Э. Леннротом записи от приладожского рунопевца Юхана Кайнулайнена Лемминкяйнен пытается убить лебеда Туонелы и платится за это жизнью [Рахимова 2000: 391]. Эта сюжетная версия представлена в «Калевале» (руна 14).

---

⁷ Названия *ižand* и *emag* – производные от *iža* (*isä*) и *ema* (*emä*), которые в ряде прибалтийско-финских языков сохранили древнее значение ‘отец’ и ‘мать’.

В вепсской традиции птицы, относящиеся в орнитологии к «врановым», — вóрон, ворона и сорока, иногда сойка — характеризуются, прежде всего, как поганые, нечистые [Винокурова 2006: 74–75]. В некоторых южнокарельских эпических песнях также можно встретить объединение «плохих птиц» — вороны и сороки — в одну группу. Так кузнец Ильмойллине говорит девушке, отказывавшейся выйти за него замуж:

Я бы тебя проклял вороной,
Но ведь будешь плохим человеком;
Проклял бы сорокою, —
Но опять же будешь плохим человеком;
Не оберну тебя вороной
И сорокой не оберну...

[КЭП 1950: 337]

В этом тексте прослеживается мифологическое представление о способности обладающих магической силой людей превращать себя или себе подобных в птиц. Аналогичные поверья об оборотничестве колдунов в сорок удалось обнаружить в северновепсских деревнях. По рассказам, там жил колдун, который, обернувшись сорокой, прилетал на свадьбу и своим стрекотанием наносил порчу новобрачным. Невеста, как полагали, должна быть осторожна, когда идет к венцу, чтобы колдун по просьбе завистников не превратил ее в сороку или кукушку [Valjakka SKS, № 554].

Ворон или ворона у вепсов, как и у многих европейских народов, — это птицы, однозначно приносящие несчастье. Их неожиданное появление или крик возвещают о смерти и других бедах. Те же представления прослеживаются и в карело-финском эпосе:

Ворон на верхушке каркал,
Клюв в крови, в крови все перья,
Шея в инее у птицы.

[КФНЭ 1994: 12.V]

Больше всего мифологических сходжений было обнаружено по отношению к кукушке. Это птица, обладающая повышенным мифологическим статусом в вепсской традиции. Наиболее устойчивыми у вепсов были представления о воплощении души умершего, прежде всего, женщины, матери в кукушку. Они нашли яркое

отражение в вепсских причитаниях. В одном из них смерть матери дочь описывает следующим образом: «Kärouzitoi libedaks lindiižeks, kâbedaks kâgoihudeks. Mänen minä mecaičehe, ište-ko lähembäižele puhudele, edembäižele oksaižele...» – «Обернулась ты быстрой пташечкой, красной кукушечкой. Пойду я в лесочек. Садись-ка ты на ближайшее на деревце, на дальнюю на веточку...» [Зайцева, Муллонен 1969: 35].

Образы душ умерших брата Гаврилы и сестры Огой в облике кукушек встречаются и в южнокарельской руне:

Выросли березки на их могилах,
Ветви берез над церковью переплелись,
И стали кукушки куковать на ветвях берез.
[КЭП 1950: № 154]

В вепсской традиции кукушка – вестница, в основном бед – неурожая, болезней, смерти, пожара [Винокурова 2006]. В карело-финском эпосе и «Калевале» более распространен жизнеутверждающий символизм кукушки – связь с солнцем, золотом, богатством. Эту особенность образа кукушки в карело-финской эпической традиции отмечали и другие исследователи [Sihvo 1976; Хийемяэ 1986]. В «Калевале» (руна 29) говорится о кукушке, из клюва которой при куковании появляются золото, медь и серебро:

Золотые с веток кольца,
А на кольцах по кукушке:
Как начнет кукушка кликать,
Выйдет золото из клюва,
А с боков все медь стекает,
Серебро сбегает книзу
На холмочки золотые,
На серебряные горки.
[Калевала 1956: 176]

Аналогичный образ кукушки встречается в эстонском эпосе «Калевипоэг». В нем кукушка – птица «золотая», «серебряная» или «медноязычная» – кукует золото, серебро из-под зубов, сверху языка пфенинги. Благодаря этим параллелям становится понятен один вепсский фольклорный текст, обнаруженный нами в собрании образцов вепсской речи Э. Н. Сетяля и Ю. Х. Кала:

Kukij laulub d'ereuñas,
K'ägij kukkub metsas.
Tedaizinku miloi laulub,
Sm'etižin ku kuldai kukkub,
Ostaižin švāskan kringelid,
Mānižinku vastha,
Kringelid itše söižin,
Veiziņ ühten rogožan.

Петух поет в деревне,
Кукушка кукует в лесу.
Если б знать, где поет,
Смекнуть бы, как золото кукует,
Купил бы связку кренделей,
Как пошел бы навстречу,
Крендели сам съел бы,
Принес бы одну рогожу.

[Setälä, Kala 1951: 503]

В данном тексте оставило след представление о предсказании кукушкой богатства и денег. Оно было широко распространено среди европейских этносов. У западных и южных славян, украинцев, белорусов и русских юга России известен обычай: услышав кукушку, потрясти на счастье монетами, чтобы в течение года деньги не иссякли. У северных русских, если следовать авторитетному изданию А. В. Гуры, оно не зафиксировано [Гура 1997: 702]. Выявленная география разных форм предсказания кукушкой золота и денег заставляет предположить, что его появление у вепсов произошло еще до распада прибалтийско-финской общности, поэтому оно и сохранилось только в одном тексте детского фольклора.

Возможно, его появление относится и к более раннему финно-угорскому периоду. На эту мысль наталкивают факты из традиций хантов и манси: поверье, что если убитой кукушке закрыть глаза серебряными монетами и похоронить в деревянном ящике, то через семь лет можно раскопать ящик, полный серебряных монет [Карьялайнен 1996: 24]; а также любопытный текст о златокрылых и златохвостых кукушках, который был опубликован на русском языке В. Н. Чернецовым:

На златолистную, златоветвую березу
Златокрылых, златохвостых
Семь кукушек садятся.
Семь ночей поют,
Семь дней поют...
По всей земле живущие
Люди благодаря их силе
По сей день существуют...

[Чернецов 1959: 141]

Итак, предпринятый сопоставительный анализ показал, что карело-финский эпос и «Калевала» являются важным источником по реконструкции, осмыслению и определению этнического происхождения мифологических представлений у родственных народов.

Литература

- Брэм 1992 – Брэм А. Э. Жизнь животных. М., 1992. II.
- Винокурова 2006 – Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006.
- Гура 1997 – Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Зайцева, Муллонен 1969 – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи. Л., 1969.
- Калевала 1956 – Калевала. М., 1956.
- Карьялайнен 1996 – Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 3. Томск, 1996.
- КФНЭ 1994 – Карело-финский народный эпос. М., 1994. I–II.
- Карельские эпические песни. М.; Л., 1950.
- Напольских 1993 – Напольских В. В. Как Вакузе стал создателем суши. Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск, 1993.
- Рахимова 2000 – Рахимова Э. «Воскрешение Лемминкяйнена» в составе карельской устно-поэтической традиции // *Summariä acroasium in sectionibus et syopisiis factarum. Pars III. Tartu, 2000. С. 391–392.*
- Хийемяэ 1986 – Хийемяэ М. Об отношении к животному миру в народных верованиях эстонцев и в карело-финском эпосе «Калевала» // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 99–101.
- Чернецов 1959 – Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 114–156.
- Setälä, Kala 1951 – Setälä E. N., Kala J. H. Näytteitä Äänis- ja Keskivepsän murteista. Helsinki, 1951. 621 s.
- Sihvo 1976 – Sihvo H. Karjalan maill kultakäköset kukkuu // *Kotiseutu. 1976. № 6. S. 172–181.*
- Sovijärvi, Peltola 1982 – Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki, 1982. 171 s.